

УДК 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2018-5-354-360

Ирина ГОЛОВАЧЕВА

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ АМЕРИКА

(Jennifer L. Lieberman *Power Lines: Electricity in American Life and Letters, 1882–1952*
[Series: Inside technology]. Cambridge, Ma, London: The MIT Press, 2017. 270 p.)

UDC 82(091)

DOI 10.22455/2541-7894-2018-5-354-360

Irina GOLOVACHEVA

ELECTRICAL AMERICA

(Jennifer L. Lieberman *Power Lines: Electricity in American Life and Letters, 1882–1952*
[Series: Inside technology]. Cambridge, Ma, London: The MIT Press, 2017. 270 p.)

© 2018 Ирина Владимировна Головачева (доктор филол. наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
igolovacheva@gmail.com

© 2018 Irina V. Golovacheva (Doctor Hab. in Philology, Professor; Saint-Petersburg State University, Russia) igolovacheva@gmail.com

Книга профессора Университета Северной Каролины Дженнифер Либерман «Силовые линии: электричество в жизни и литературе Америки 1882-1952 гг.» – это захватывающая история американского коллективного воображаемого в том виде, как оно воплотилось в образах электричества от уитменовского «электрического тела» до электрического стула. Данная монография встраивается в ряд крупных работ в этой области, опубликованных за последние полтора десятилетия¹.

---

¹ См. напр.: Nye, D. E. *America as Second Creation: Technology and Narratives of New Beginnings*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2003; Thomas de la Peca, C. *The Body Electric: How Strange Machines Built the Modern American*. New York: New York University Press, 2003.

Такие авторы, как Сэм Холидей, Пол Гилмор и Марк Гобл, показали, как электрические сети и прочие технические коммуникации, а также их отображение в американской словесности, привели к становлению и закреплению новых культурных парадигм².

Дженнифер Либерман обратилась к широкому кругу источников разного сорта: к художественной прозе, публицистике, журнальным публикациям разных жанров, в том числе и научно-техническим. Книга представляет собой высокий образец междисциплинарности, так как учитывает методы истории науки, истории материальности, социологии, этнологии и филологии. Либерман в лучших традициях Мишеля Фуко и Бруно Латура – рассматривает электричество как «слово и вещь»³, исполненные разнообразных смыслов, в том числе и таких, которые в совокупности составляют Американскую мечту, т.е. выражают утопические притязания и прогрессистские устремления американского тела-сознания. Используя разнообразную оптику, автор исследует, как именно в американской словесности отозвались надежды на то, что новая электрическая эра устраним классовые и расовые различия, позволит установить истинную демократию, основанную на меритократии и свободном труде. Большинство героев этого исследования, американские писатели, несмотря на разницу в поколениях и литературных школах, в той или иной мере демонстрирует сомнения относительно этих радужных проектов. Среди прочего Либерман задается следующим вопросом: как получилось, что такие несхожие авторы, как Марк Твен, Шарлотта Перкинс Гилман, Теодор Драйзер, Джек Лондон, Ральф Эллисон, создали «электрическую» образность в произведениях, посвященных не столько техническому прогрессу, сколько критике

² Halliday, S. *Science and Technology in the Age of Hawthorne, Melville, Twain, and James: Thinking and Writing Electrically*. New York: Palgrave Macmillan, 2007; Gilmore, P. *Aesthetic Materialism: Electricity and American Romanticism*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009; Goble, M. *Beautiful Circuits: Modernism and the Mediated Life*. New York: Columbia University Press, 2010. Эти публикации относятся не только к American Studies как таковым, но принадлежат более обширному полю культуральных исследований. Интересующимся областью «литература и наука» (literature and science) стоит обратить внимание на книги из серии «Техника изнутри» (Inside Technology) издательства Массачусетского технологического института.

³ Latour, B. "Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid." *Common Knowledge* 5 (Spring 1996): 76–91; Latour, B., and Woolgar, S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986; Foucault, M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Pantheon Books, 1970.

более или менее устойчивой социальной иерархии? Выбор персоналий определялся, очевидно, тем, что образный строй в произведениях именно этих литераторов якобы оказался под наиболее явным воздействием феномена постепенной, неравномерной, но целенаправленной электрификации США. Эти писатели воспринимали электрические образы в терминах жизни и смерти, как универсальную энергию созидания, служения и уничтожения, как инструмент радикальных перемен. Несомненно, впрочем, что перечень «заряженных электричеством» американских авторов может быть существенно расширен, не ограничиваясь избранниками Либерман.

На рубеже XIX-XX вв. в американском коллективном сознании утвердилось представление о том, что электрификация общественного и частного пространства маркирует эту эпоху как поворотную в истории не только Соединенных Штатов, но и всей цивилизации. Вне зависимости от того, воспринималось ли электричество в качестве инструмента позитивных или негативных перемен, оно стало универсальной концептуальной метафорой, указывающей на магистральный вектор развития Америки. Явления электричества, известные с глубокой древности, постепенно насыщались новыми смыслами, параллельно обрстая художественной образностью, сигнализовавшей об исключительных и прежде невообразимых возможностях. «Язык электричества», оказавшись в ряду прочих инструментов организации человеческого опыта и структурирования знаний о мире, становился средством не столько отражения, сколько познания меняющейся физико-психической реальности.

Экстенсивное внедрение телеграфной и телефонной связи и оселения городов порождало мечты о покорении природы, фантазии о том, что использование электронов сможет изменить саму суть физического существования. Электроэнергия была той таинственной силой, с помощью которой, казалось, можно управлять чем угодно – от пылесоса до подводной лодки. Именно универсальность понятия электричества, его метафорический потенциал позволял инженерам-техникам, а также инженерам человеческих душ пускаться в безудержное проектирование. В их воображении электроэнергия была способна на все: победить голод, просветить массы, дать жизнь или отнять ее. Интересно, что в коллективном воображении американцев электрификация как новая «нервная система» нации воспринималась одними в качестве средства объединения людей, а другими – как источник разобщения, распада традиционных социальных структур.

Главные вопросы, заданные в книге Либерман, таковы: 1) Как и почему в едином культурном пространстве Америки уживались противоположные представления об этой субстанции? 2) Почему столь призрачному и оттого полисемическому образу электричества было суждено сыграть важнейшую, с точки зрения исследовательницы, роль в передаче социальных смыслов? Профессор Либерман доказывает, что сама природа электричества, его вездесущность и невидимость, его способность незримо воздействовать на расстоянии, предопределила его метафорическую роль в американском литературном сознании.

Если в XVIII столетии электричество эстетизировалось в образах всепроникающей энергии («заряженного эфира»), то на рубеже XIX-XX вв. к ним добавились нарративы, в которых электроэнергия символизировала победу материи (торжество мира техники) и трансформацию духа. Электричество как метонимия обозначала тогда «все новое». Электрическая образность обеспечила уникальную возможность выстраивать новую эстетику, передавать стремительное течение новейшего времени, объективные перемены и субъективные переживания. Электричество пронизывало политические и биологические дискурсы, особенно ярко высвечивая впечатляющие перспективы технических нововведений – таких, например, как запуск электростанции Томаса Эдисона на Перл-Стрит в 1882 г., принятие закона о казни на электрическом стуле в штате Нью-Йорк в 1888 г. или возведение линий передач на Западе в 1890-1915 гг., и пр.

И все же главный секрет мощности «электрического заряда» в прозе рубежа веков, по мнению Либерман, заключается в корреляции концепта *электричество* и идеи *системы (сети)*. Позволю себе, однако, усомниться в том, что именно тогда, в начале XX в. были, как полагает автор книги, заложены языковые основания для описания пост-современного мира, нашей реальности с ее разнообразными «сетями». Разве сам факт появления в те годы слова *networks* дает основания для столь решительного анахронического обобщения? Впрочем, это мелкое замечание вовсе не дезавуирует гипотезу «системного» восприятия электричества.

Каждая из глав книги Либерман проясняет разные смыслы и контексты электричества в американской словесности. Первая глава «*Марк Твен и техническая ошибка*», по существу, является критикой критики, так как предлагает ревизию предшествующей литературоведческой рецепции романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», ошибочность которой, по мнению исследовательницы, была

предопределена следующим: критики приписали Твену особые воззрения на технику, меж тем как само слово *technology* вошло в употребление уже после написания романа. Несмотря на важность предпринятых Либерман археологических раскопок в области семантики, думаю, в данном случае датировка не столь принципиальна. Но так или иначе, оригинальное пристальное прочтение романа позволило ей осветить ту специфическую «электрическую» риторику созидания и разрушения, к которой Твен прибегнул, изображая возможные перспективы технического прогресса.

Убийственный потенциал электричества как орудия казни стал объектом изучения в главе II «*Шок и чувствительность: риторика казни электричеством*». На мой взгляд, это лучший раздел книги. Основываясь на внушительном количестве свидетельств разного рода, автор доказывает, что сторонники электрического стула намеренно или по наивности преувеличивали мгновенный эффект убийственного электрического разряда и что особая риторика современных документов, как правило, смещала внимание с приговоренного на «гуманную» технику современного правосудия. В отличие от журналистов и популяризаторов, именно писатели (Уильям Дин Хоуэллс, Стивен Крейн и Теодор Драйзер) перевели взгляд читателей на саму жертву «прогресса», символом и вершиной которого выступает электрический стул. Читая эту главу, я лишь сожалела о том, что Либерман ограничилась примерами из литературы рубежа веков и потому не позволила себе проанализировать еще и «Зеленую милю» (1996) Стивена Кинга, где электрический стул поставлен в центр повествования.

Героиней главы III стала Шарлотта Перкинз Гилман: здесь рассматривается то новое, что она внесла в знаменитую американскую парадигму «человек vs. природа». Эта глава несколько не уступает знаменитым работам Лео Маркса⁴. Глава IV остроумно названа «*Зов проводов: Джек Лондон и интерпретативная емкость электрической силы*». Американский классик предстал в этом разделе совсем по-новому «в электрическом освещении».

Заключительная глава «*Энергетический гуманизм Ральфа Эллисона и Льюиса Мамфорда*» демонстрирует гибкость «электрической»

---

⁴ Marx, L. *The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1964; Marx, L. *The Pilot and the Passenger: Essays on Literature, Technology, and Culture in the United States*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1988.

риторики – от образов, воспевающих «неотехническую» эру (у Мамфорда), до дискурса деструкции в «Невидимке» Эллисона.

Возможности «топического» метода и «истории материальности», а также междисциплинарных изысканий (*literature and science*) проявились в книге Дж. Либерман во всей полноте, позволив ей моделировать микро- и макроисторические процессы, демонстрировать в мельчайших деталях, как именно возникали и трансформировались не только смыслы слов (новых и старых), но и, что важнее, показывать, как менялись интонации, нарративные модусы, которые, в свою очередь, высвечивали смену мод и личных пристрастий писателей, изобретателей и журналистов. Исследование Либерман благодаря репрезентативной выборке объектов и фокусу на конкретной теме демонстрирует многообразные миметические и диегетические возможности художественного слова. Действительно, литературный текст работает как сеть (передает, принимает и преобразует), как осветительный прибор (высвечивает или затемняет), но главное – как зарядное устройство, обеспечивающее существование особого информационного и энергетического механизма культуры.